

МИР МУЖСКИХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ В ДИАЛОГАХ ПЕТРАРКИ И ИХ ВИЗУАЛЬНЫХ НЕМЕЦКИХ ТОЛКОВАНИЯХ (АЗАРТНЫЕ ИГРЫ)

Нина Девятайкина

The world of the masculine entertainments in Petrarch's texts and their visual German interpretations (gamblings)

Nina Devyataykina

The author analyzes dialogues by the Italian humanist Petrarch (1304-1374) "On dicing and stones" and "On successful dicing", woodcuts by «Master of Petrarch» from 1519-1520s that accompany the dialogues, epigraphs written by the German poet-priest Pinitian in 1530s. Thus, the author reveals how three "texts" interact with each other. Dialogues may be regarded as a kind of "photos" of the Italian daily life in the 14th century made by a humanist and an intellectual. Epigraphs and woodcuts, on the contrary, we consider as a reflection of the German daily life during the Age of Reformation. Petrarch's dialogues show that the German reader would approve them even without epigraphs and illustrations. Topical character, relevance of a subject has only grown in 150 years. In lines of epigraphs and woodcuts, it got shades of «The city during the plague» in Germany of the Reformation epoch. We can find more plagues, hostility, cruelty, than bad fun. Pinitian accentuated in his epigraphs Christian and didactic components of dialogues. The secular component of the text and rich humanistic rhetorics of the dialogues pass to a background. Master of Petrarch had pointed social sounding of a subject. Woodcuts show reformatory condemnation of wealth and aimless expenditure; condemn weapon usage as a way of civil and daily conflicts resolution. They also condemn oblivion of humanity and impoverishment of souls.

Key-words: Petrarch, treatise "De remediis", Master of Petrarch, Pinitian, reformation, Renaissance, image and text, gender, gamblings.

Текст и образ вступают в сложный диалог во всех видах искусства. Но сами искусства от эпохи к эпохе меняются ролями. В Германии времен реформации главное место, как известно, занимали живопись и графика. В художественном «соперничестве» они обогащали не только друг друга, но и письменные тексты. Искусство, благодаря книжной ксилографии и типографским способам тиражирования, смогло прийти «под одной обложкой» вместе с художественными, историческими, учеными текстами в культурный быт тогдашнего «среднего класса». Насколько можно судить, ксилографии во многом стали для типографов если не золотой, то серебряной жилой, определявшей популярность изданий, а значит, их тиражи. Достаточно вспомнить 1803 гравюры на 592 страницы текста размером 47х32 см. «Всемирной хроники» (1493) Гартмана Шедела (1440-1514), с тиражом в 1000 экз. Такие факты позволяют понять, что издатели или спонсоры не жалели средств на богато

иллюстрированные книги¹. По данным ученых, за 20-30 лет XVI в. типографы Ульма, Майнца, Страсбурга, Базеля, Нюрнберга, добавим в связи с темой статьи, Аугсбурга, выпустили в свет свыше 200 иллюстрированных изданий [6, с.20]. Мастера первого ряда, среди которых Михаил Вольгелмут, (1434-1519, создатель ксилографий к названной выше хронике, учитель Дюрера), сам Альбрехт Дюрер (1471-1528), Ганс Бургмайер Старший (1473-1531), Лукас Кранах Старший (1472-1553), Ганс Бальдунг (1484-1545), Ганс Гольбейн Младший (1497-1543) и др. вдохновенно работали над рисунками-иллюстрациями, вкладывая в них всю мощь своего таланта и понимания времени. В это ряд давно поставлен и ксилограф под именем «Мастер Петрарки» (годы наивысшей активности- 1519-1521), названный так по его главному художественному труду. Он выполнил 361 рисунок к диалогам трактата «О средствах против превратностей судьбы» знаменитого итальянского поэта и гуманиста Франческо Петрарки (1304-1374). К некоторым из его ксилографий уже был случай обратиться [2], [3], [4], данная статья продолжает их изучение на материале досугово-гендерной тематики.

Иллюстрация 1. Мастер Петрарки. Ксилография к диалогу «Об игре в кости и камешки»

Кратко обрисует эти материалы в контексте времени и истории изучения. Трактат написан в 1354-1366 гг. В нем 254 диалога, которые ведут аллегорические персонажи Разум и Радость (первая книга), Разум и Печаль (вторая книга) на самые разные темы: от разговоров об изысканных угощениях на пирах и увлекательности игры в кости, супружеской изобретательности и сказочных птицах, поднимающих до небес корабли, поразительных историй, связанных с деятелями древности и современности, до высоких этических, политических, социальных, эстетических, естественнонаучных рассуждений. В начале XVI в., возможно, с подачи поэта и гуманиста Себастьяна Бранта (1458-1521) трактатом

¹ Только Российская Национальная библиотека (РНБ, Москва) имеет 6 латинских и 4 немецких экземпляров хроники 1493 г., что косвенно тоже указывает на тираж.

заинтересовались издатели немецкого Аугсбурга [14, S.43]. Этот богатый и культурный город, ставший еще в конце XIII в. независимым, «имперским», тогда насчитывал около 30.000 жителей, среди которых было немало интеллектуалов (Стефан Вигилий, педагог, теолог, писатель, переводчик, учитель гимназии Аугсбурга, время наибольшей активности - 1530-1540 гг.), гуманистов (Конрад Пейтингер, 1465-1547, ученый секретарь городского Совета, глава аугсбургского кружка гуманистов, в который входило около 30 человек), творческих личностей (Адольф, Ганс-Адольф и Ханс Даухеры, скульпторы) и др. Трактат Петрарки переводили на немецкий язык, а параллельно художник, также из Аугсбурга, Мастер Петрарки, за два года создавал к нему рисунки-ксилографии, не пропустив ни одного текста. Издание появилось в 1532 году [9]. Но, очевидно, плохо расходилось. Не исключено, что из-за гуманистически-изысканного языка перевода. Тогда находится еще один переводчик, еще один издатель, дело идет по второму кругу. И в этот момент по инициативе нового переводчика к «проекту» присоединяется поэт по имени Пинитиан (1478-1542), чтобы создать эпиграфы к диалогам. Ему заказывают написать строфы на латинском и ранне-ново-верхне-немецком языках, он это успешно делает. Латинские вирши создает двустушиями, немецкие четверостишиями, разными по размеру: первые –элегическим дистихом, вторые книттерфельсом. Поясним, книттерфельс или ямбоподобный стих с парной рифмовкой строчек) – распространенный размер немецкой народной поэзии и стихотворной драмы: шванков, шпрухов, фастнахтспиелей [11, с. 64]].

Иллюстрация 2. Мастер Петрарки. Ксилография к диалогу «Об удачной игре в кости»

Добавим, Пинитиан - преподаватель и знаток латинской грамматики, преподает ее в Аугсбурге, с 1531 г., возможно, в гимназии Св. Анны, только что возникшей [13, S.450-451], пишет учебники. Сам Аугсбург бурно переживает реформационные события: там в 1518 г. на рейхстаге Лютер должен был отказаться от своих тезисов против индульгенций (грамот отпущения грехов) перед лицом папского легата, но бежал; в 1530 г. там же на рейхстаге Лютер объявил свое евангелическое вероисповедание. Пинитиан, как и переводчик трактата,

оказались в реформационном лагере, что, как не сложно обнаружить, отражается на эпитафиях и немецком переводе, как выявил молодой исследователь А.А. Бочкарев.

Издание трактата Петрарки с новым переводом, эпитафиями и ксилографиями выходит в 1539 году [5]. Оно-то и обеспечивает стабильный и долгий успех книге, переиздается много раз. К примеру, издание было повторено в 1604 году, по нему мы изучали эпитафии и ксилографии [12]. Диалоги самого Петрарки анализировались по билингвальному научному изданию 2002 г. [10]. Что касается литературы по теме, то для изучения трактата за последние годы больше всего сделали Кр.Карро [10] и У. Дотти [8], предложив переводы трактата на французский и итальянский языки с обширным комментарием, вескими вступительными разделами и билингвальными публикациями. Главное в них - признание гуманистической новизны диалогов, нового взгляда в них на человека, общество и мир.

Диалоги об азартных играх нельзя отнести к числу ярких *гуманистических (этических)* манифестов трактата. Но они интересны «фотографией» итальянской повседневности XIV столетия, равно как эпитафии и ксилографии интересны их восприятием немецкой повседневности времен реформации. Обратимся к диалогам. Их названия звучат так: «Об игре в кости и камешки» (l.26, De ludo aleae et calculorum) и «Об удачной игре в кости» (l.27, De ludo taxilorum prospero). Из названий ясно, что одна из тем первого диалога переключается во второй. Такие варианты в трактате встречаются нередко и обозначают, что автору важно сделать акцент. В данном случае - на теме удачи в азартной игре.

Диалог «Об игре в кости и камешки» невелик. Радость произносит там четыре фразы по поводу того, что испытывает удовольствие и наслаждение от игры в кости и камешки². Разум реагирует иронически, сатирически. Он рисует выразительные «картинки» поведения азартного игрока, сравнивая его с поведением обезьяны. Он наставительно советует следовать великим людям, рассказывая об одной из интеллектуальных игр в Афинах, «которой когда-то занимались учёные люди»: каждый предлагал в собрании друзей что-нибудь из учёных сочинений; нечто важное, касающееся добродетели или доброй жизни; потом «эксперты» сравнивали сочинения «соперников» и те, которые, по суждению более сведущих, оказывались побеждёнными, уплачивали небольшие деньги [7, с.85]. Петрарка черпает информацию из «Аттических ночей» Авла Геллия (XVIII, 13, 1-4). Диалог завершается красноречивым свидетельством уважения к учености и образованию: «эти упражнения взбадривали ум и побуждали к научным занятиям, как победителей, так и побеждённых» [7, с.86]. В тексте две, даже три основные темы: азартные игры, краткие истории увлечения ими некоторых знаменитых людей, благородное соперничество древних в ученых экспромтах. Отсылки к античности составляют привычный признак гуманистического текста. «Картинки» живо и ярко рисуют повседневность, обнаруживают социальную «вписанность» гуманиста в контексты городской жизни.

Обратимся к немецкому изданию. Напомним, немцы украсили все диалоги эпитафиями и «картинками». Латинский эпитаграф Пинитиана таков:

Aliceus exosus pellit lusorius horas;
ludus habet laudem, si moderatus erit.

Время в игре проводить, значит, тратить его понапрасну;
Можно, конечно, играть, меру при этом блюдя³. [12, S. 23.]

Немецкий эпитаграф

² Приведем все его фразы: Мне нравится игра в кости и в камешки; Я наслаждаюсь игрой в кости; Я охотно играю в камешки; Я наслаждаюсь игрой в кости. Фразы цитируются в переводе Л.М. Лукьяновой [7, с.85-86].

³ Латинские эпитаграфы цитируются в переводе Л.М. Лукьяновой

Viel kurzweil ich im spielen find
Ja wer das mässig brauchen künd⁴.
Und nit verlür die zeit so ring
Man findt noch wol ein nützer ding.

Я много развлекаюсь играми.
Да и тому, кто умерен, нужно сказать:
Не теряй время так легкомысленно
Найдутся дела и пополезнее⁵. [12, S. 23.]

Немецкий эпиграф написан от первого лица, словно бы от имени Радости, практически повторяет вторую строку латинского текста, а в первой строке перелагает наставления немецких педагогов-реформаторов и гуманистов относительно разумного и полезного использования времени. Об «умном» и исполненном творчестве досуге нет ни слова, все богатство гуманистического диалога «втиснуто» в реформационно-бюргерские рамки, сведено к теме меры. Пинитиан более снисходительно относится к играм, чем Петрарка. У него главная идея - мера, как известно, один из важнейших ориентиров немецкого бюргерства. У Петрарки в диалоге «приговор» таков: «Радость. Мне нравится игра в кости и в камешки. Разум. Первая пагубна, вторая бессмысленна» [7, с.86]. Следует отметить, что немецкий эпиграф по тональности ближе к петрарковскому, но остается столь же «узким» по смыслу.

Попытаемся обозначить хотя бы некоторые причины такого явного «расхождения» и даже пере-иначивания смыслов диалогов Петрарки немецким автором. Прежде всего, перед нами в лице Пинитиана не ренессансный гуманист, а учитель гимназии Св. Анны. Он не ставит для себя первой и главной задачей «вытаскивание» текстовых и затекстовых этических смыслов диалогов Петрарки, так или иначе связанных с темой личности и путей ее совершенствования в жизненных практиках. Пинитиану привычны другие практики. Он видит в качестве читателей диалогов прежде всего родителей своих учеников, их самих, сограждан и дидактический пыл обращает в наставления практического порядка. Они словно бы оставляют в тени то, что было главным для создателя диалогов и насыщало их высокой этической энергией. Богатый полемический дискурс переплавляется у Пинитиана в сдержанную идею меры.

Еще одно обстоятельство: Пинитиан актуализирует диалоги в виду достаточно широкого читателя, народившегося вместе с типографским способом тиражирования текстов. Перед его глазами встает усердное и любящее чтение немецкое бюргерство, те же состоятельные и почтенные обитатели Аугсбурга, мужчины и женщины делового круга. Не исключено, что для них петрарковские рекомендации ученых прогулок и бесед как варианта самого благородного отдыха могли казаться отвлеченными, не сходящимися с привычками и повседневными запросами, а вот немного, «в меру», развлечься игрой в воскресный денек после напряженного труда, в их «программу» отдыха укладывалось вполне.

Что же за трактовку предлагает один из первых немецких участников «проекта» - Мастер Петрарки? Он не мог ориентироваться на эпиграфы, их время наступит через десять лет. Он имел перед глазами только первый вариант переводов и знал комментарии знаменитого гуманиста, поэта и ученого-сатирика, Себастьяна Бранта (1458-1521), который, как полагают многие авторы, «задал» художественно-содержательную программу к каждому из диалогов, а также предисловиям и титульным листам трактата. Итак, обращаемся к

⁴ Перевод второй строчки приближителен из-за предположительности идентификации слова «künd».

⁵ Немецкие эпиграфы цитируются в переводе А.А. Бочкарева.

ксилографии. Мастер Петрарки изображает игру, связанную с диалогом о камешках и костях, как очень чинное внешне занятие. Игроки находятся в красивой лоджии, крыша которой опирается на колонну, и за которой открываются чудесные виды - холмы и деревья. На переднем плане увлечена игрой с представительным мужчиной дама в пышном платье. И эти игроки, и другие сидят за очень красивыми столами с гнутыми в стиле рождающегося маньеризма ножками, все богато одеты. А на столах вовсе не камешки. Мастеру Петрарки, очевидно, показалось важным отразить модные увлечения его эпохи: он рисует доски, шахматы [12, S.23]. Однако содержательно картины остро злободневны. Перед нами что-то вроде сухопутного «Корабля дураков». Из шести его «пассажиров»-игроков трое имеют звериное обличье: на переднем плане сидит человек с клыками вроде тех, что бывают у хищников. На заднем плане два человека с лицами-мордами сытых котов. Художник говорит как реформатор, осуждающий богатство, его публичные самодовольные демонстрации, отсутствие меры. Судя по персонажам, богатство добыто несправедливо, по законам хищников, которые сдирают с более слабых три шкуры. Эти самодовольные «коты» глубоко несимпатичны художнику, изображены сатирически. Если окинуть общим взглядом рисунки Мастера Петрарки, то следует согласиться с авторами: в них именно социальная сатира являет себя ярче всего, представляя художника не просто сторонником реформации, но резким критиком знати. [1].

В диалоге «Об удачной игре в кости» (l. 27, *De ludo taxilorum prospero*) тема продолжает развиваться как итальянским автором, так и его немецкими «соавторами». Текст представляет собой энергичный, напористый разговор. Точнее, в нем упорно заявляет о своей любви к игре и о везении в ней Радость, на реплики которого короткими, но емкими и жесткими фразами отвечает Разум. Приведем лишь один афористический обмен репликами: *«Радость. Я сыграл, я победил, я радуюсь. Разум. Игра отвратительна, победа разорительна, радость напрасна»*. [7, с. 87]. Разум и дальше рисует поведение игрока очень выразительными словами. Позволю себе привести довольно длинную цитату: *«Радость. Я наслаждаюсь игрой в кости. Разум. Следует оставить это позорное наслаждение, если не из-за стремления к добродетели, то хотя бы из-за стыда и стремления к доброму имени. Ведь едва ли ты найдёшь это там, где так ясно раскрываются человеческие нравы и пороки. Ты видел, как лихо они вступают в борьбу, с каким трепетом начинают играть и как со слезами молятся об удаче, называя свою цифру. Некоторые, в иное время благородные и спокойные, здесь ради небольших денег и молятся, и раздражаются и, в конце концов, сходят с ума. Как много там совершают за несколько монет отважные мужи такого, чего не сделали бы в другом месте и за огромные сокровища. Ибо там царство всех пороков, но прежде всего – раздражения и алчности»* [7, с. 88]. В этом тексте художественно вылеплен «портрет» игрока, который особенно впечатляет в виду использования приема «диалога в монологе»: «Ты видел», «поверь мне», «знай», «видели мы и таких», «скажи», «смотри», «помнишь», - постоянно адресуется Разум к Радости. В нем же один за другим вспоминаются перечисляются главные гуманистические (и античные) кардинальные этические понятия: добродетель-доблесть, доброе имя, благородство, умеренность (спокойствие), мужество (отвага) противопоставленные порокам алчности и раздражения. Другие реплики добавляют гуманистического пафоса вместе с рядом идущей иронией и осуждением.

Как же реагирует Пинитиан?

Латинский эпиграф

De ludo taxilorum prospero

*Amittit nummos, animi sed damna lucratur,
tempus taxillis, qui terit omne suum.*

Деньги теряет, убыток огромный душе причиняет
тот, кто всё время своё в этой проводит игре.[12, S.24]

Немецкий эпиграф

Der laufft auch wol zum Narrenzil
Der all sein freud hat in dem spil.
Er gwinnt die sünd verleurt die zeit
Der stetigs ob dem spilen leit.

Должно быть, стремится к безумию тот,
Кто находит всю радость в игре.
Выигрывает грех и проигрывает время
Тот, кто постоянно ведёт игру[12, S.24]

В данном случае Пинитиан на редкость точно передает не только суть диалога, но и его тональность, прежде всего, в немецком четверостишии. Особенно удачно в нем сформулирована строка о грехе, который не раз упоминается в диалоге как причина, содержание и следствие азартной игры. Эпиграф прямо предваряет начало диалога. *(Радость. Приятно играть в кости. Разум. О, ненасытная огромная бездна! О, внезапно возникшая мрачная пучина, куда проваливаются наследства! О, буря души, туча, затмевающая доброе имя, бич, гонящий к преступлениям, и путь, ведущий к отчаянию!)* [7, с. 87].

Как истолковывает сцену Мастер Петрарки? Он тоже разделяет чувства автора диалога и изображает бурную сцену: участники игры вытащили мечи, озлобленно выясняют отношения друг с другом. При этом на переднем плане некий зверь-животное, похожее на дьявола, продолжает играть с одним из участников сценки, но и тот наготове держит меч. Самый благоразумный пытается ускользнуть из потасовки [12, S.25]. Художник явно отражает реалии жизни богатых людей, что в первом, что во втором случаях. И осуждает игроков, игру, словно бы увещевая не отягощать низкими страстями и разборками, брато-убийствами трудные времена. Данная ксилография представляет Мастера Петрарку очередной раз очень наблюдательным и разделяющим оценки итальянского гуманиста художником.

Даже краткое обращение к тексту диалогов наводит на мысль, что немецкий читатель остался бы доволен ими и без эпиграфов, иллюстраций. Злободневность, актуальность темы только выросла за 150 лет. В строках эпиграфа и ксилографиях она приобрела определенные оттенки «пира во время чумы»; при этом чумы, вражды, не-человечности обнаруживается больше, чем азартного веселья. У Пинитиана, как и в других случаях, усилена христианско-дидактическая сторона диалогов, ориентирующая читателя на традиционные ценности, оттеснено на второй план светское начало текста и его богатая гуманистическая риторика. У Мастера Петрарки заострено социальное звучание темы, в его ксилографиях сплетается реформаторское осуждение богатства и бесцельной его траты, превращения оружия в способ разрешения любых конфликтов, гражданских и повседневных, забвения человечности и оскудения духа.

Список используемых источников

1. Buchner E. Der Petrarcameister als Maler, Miniator und Zeichner / E. Buchner // H. Schmidt (Hrsg.). Festschrift Heinrich Woelfflin. Beiträge zur Kunst- und Geistesgeschichte. – München, 1924. – S. 209-231.

2. Девятайкина Н.И., Социальный протест как тема немецких ксилографий 1520-х гг. («Мастер Петрарки»), История. Электронно-образовательный журнал ИВИ РАН, ИВИ РАН. – 2014. – № 6 (29). <http://history.ies.su/issue.2014.4.11.6-29>
3. Девятайкина Н.И. Тема актера и театра в диалогах Петрарки и эпиграфах Пинитиана к ним / Н.И. Девятайкина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-17004> (дата обращения: 21.01.2015).
4. Девятайкина Н.И. Музыка и пение как тема диалога Петрарки и эпиграфа Пинитиана / Н.И. Девятайкина // Учен. Зап. Казан.ун-та. Сер. Гуманит. Науки. – 2015. – Т.157. – Кн.3. – С.164-171.
5. Das Glückbuch/ beydes des Güt= | ten vnd Bösen/ darinn leere vnd trost/ weiß sich menigklich | hierinn halten soll/ Durch Franciscum Pertarcham vor im latein beschriben/ | vnd yetz grüntlich vertētscht/ mit schönen Figuren/ Concordantzen/ Register/ | durchauß gezieret/ der gestalt vor nie gesehen [...]. – Augsburg, 1539. – S.p.
6. Кислых Г.С. Очерки по истории и технике гравюры. Тетрадь 2. Немецкая гравюра 15 – 16 веков. М.: Изобразительное искусство, 1987. http://germanprints.ru/articles/german_prints_15c/index.php (дата обращения 25.04.16)
7. Петрарка Ф. О средствах против превратностей судьбы / пер.с лат. и примеч. Л.М. Лукьяновой; вступ. ст. Н.И. Девятайкиной. – Саратов: Волга, 2016. – 616 с.
8. Petrarca F. I rimedi per una e l'altra sorte. Vol.1-4 / tradizione e note a cura di U. Dotti. – Torino: Arago, 2013.
9. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. [Deutsche Übersetzung durch Petere Stahel und Georg Spalatinus 1531] Von der Artzney bayder Glück / des guten und widerwertigen... gantz lustig vund schön gezyret. – Gedruckt zu Augspurg durch Heynrich Steyner, M.D.XXXII. – S. p.
10. Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune. Vol.1-2. / Texte et trad. par Ch. Carraud. – Paris, 2002. – 1167 p; 803 p.
11. Реутин М. Ю. Народная культура Германии: позднее Средневековье и Возрождение / М.Ю. Реутин. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. – 217 с.
12. Trostspiegel in Glück vnd Vnglück/ | Francisci Petrarchae/ | Deß Weitberhümten Hoch= | gelehrten furtrefflichen Poeten vnd Oratorn Trostbücher/ | Von Rath/ That/ vnd Artzney in Glück vnd Vnglück/ Nemlich/ wie | sich ein jeder verständiger Mensch halten soll/ In seiner Wolfahrt nicht | vberheben/ Deßgleichen in Vnglück/ Widerwertigkeit/ | Angst und Noth zutrösten wissen [...]. Frankfurt a. M., 1604. – S.p.
13. Worstbrock F.J. Pinicianus (Kening), Johannes. Bd. 2. / F.J. Worstbrock // Deutscher Humanismus 1480-1520. – Berlin, 2013. – S. 445-465.
14. Worstbrock F. J. Petrarca's «De remediis utriusque fortunae». Textstruktur und frühneuzeitliche deutsche Rezeption / F.J. Worstbrock // Francesco Petrarca in Deutschland. Seine Wirkung in Literatur, Kunst und Musik. – Tübingen: Niemeyer, 2006. – S. 43.

References

1. BUCHNER, E. (1924) Der Petrarcameister als Maler, Miniator und Zeichner. In H. Schmidt (Hrsg.). *Festschrift Heinrich Woelfflin. Beiträge zur Kunst- und Geistesgeschichte*. München, S. 209-231.
2. DEVJATAJKINA, N.I. (2014) Social'nyj protest kak tema nemeckih ksilografij 1520-h gg. («Master Petrarki»). *Istorija. Jelektronno-obrazovatel'nyj zhurnal*. Moscow, IVI RAN. №6, 29. [Online]. Available from: <http://history.ies.su/issue.2014.4.11.6-29> [Accessed: 29 March 2017].
3. DEVJATAJKINA, N.I. (2014) Tema actera I teatra v dialogach Petrarci I epigrafach.Pinitiana k

- nim. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, № 6. [Online]. Available from: <http://www.science-education.ru/120-17004>. [Accessed: 21 January 2015].
4. DEVJATAJKINA, N.I. (2015) *Musica i penie kak nema dialogov Petrarcy I epigrafov Pinitiana. Uchen.zap.Kazan.un-ta. Ser. Gumanit nauki*. T.157. Kn.3, 164-171.
 5. KISLICH, G.S. (1987) *Ocherki po istorii I tehnike graviuri. Tetrad 2. Nemezkaia graviura 15 – 16 vecov*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. [Online]. Available from: http://germanprints.ru/articles/german_prints_15c/index.php [Accessed: 25 April 2016]
 6. PETRARCA, F. (1604) *Trostspiegel in Glück vnd Vnglück/ | Francisci Petrarchae/ | Deß Weitberhümten Hoch= | gelehrten fürtrefflichen Poeten vnd Oratorn Trostbücher/ | Von Rath/ That/ vnd Artzney in Glück vnd Vnglück/ Nemlich/ wie | sich ein jeder verständiger Mensch halten soll/ In seiner Wolfahrt nicht | vberheben/ Deßgleichen in Vnglück/ Widerwertigkeit/ | Angst und Noth zutrösten wissen [...]*. Frankfurt a. M.
 7. PETRARCA, F. (1539) *Das Glückbuch/ beydes des Güt= | ten vnd Bösen/ darinn leere vnd trost/ weiß sich menigklich | hierinn halten soll/ Durch Franciscum Pertarcham vor im latein beschriben/ | vnd yetz grüntlich vertētscht/ mit schönen Figuren/ Concordantzen/ Register/ | durchauß gezieret/ der gestalt vor nie gesehen [...]*. Augsburg. S.p.
 8. PETRARCA, F. (2016) *O sredstach proniv prevratnosnei sudbi*. Saratov, Volga.
 9. PETRARCA, F. (2013) *I rimedi per una e l'altra sorte*. Torino, Arago. Volumes 1-4. 9.
 10. PETRARCA, F. (1532) *De remediis utriusque fortunae* [Deutsche Übersetzung durch Petere Stahel und Georg Spalatinus 1531] *Von der Artznay bayder Glück / des guten und widerwertigen... gantz lustig vund schön gezyret. Gegruckt zu Augspurg durch Heynrich Steyner*. M.D.XXXII.
 11. PETRARQUE, F. (2002) *Les remedes aux deux fortune*. Paris. Vol.1-2.
 12. REUTIN, M.YU. (1996) *Narodnaia cultura Germanii: pozdnee srednevecovie i Vozrozhdenie*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj humanitarnyj universitet.
 13. WORSTBROCK, F. J. (2006) Petrarcas «De remediis utriusque fortunae». Textstruktur und frühneuzeitliche deutsche Rezeption. In: *Francesco Petrarca in Deutschland. Seine Wirkung in Literatur, Kunst und Musik*. Tübingen, Nimeyer. S. 43.
 14. WORSTBROCK, F.J. (2013) Pinicianus (Kening), Johannes. In: *Deutscher Humanismus 1480-1520*. Bd. 2. Berlin, De Gruyter. S. 445-465.

Світ чоловічих розваг у діалогах Петрарки та їх візуальних німецьких тлумаченнях

У статті на матеріалі діалогів італійського гуманіста Петрарки (1304-1374) «Про гру в кістки і камені» і «Про вдалу гру в кістки», ксилографій 1519-1520-х рр. до них Майстра Петрарки, а також епіграфів 1530-х рр. німецького поета-священника Пінітіана автор виявляє, як взаємодіють між собою три «тексти». Що цікаво, діалоги є своєрідними «фотографіями» італійської повсякденності XIV в. в її трактуванні гуманістом і інтелектуалом. Епіграфи і ксилографії, у свою чергу, відображають німецьку повсякденність часів Реформації. Діалоги Петрарки показують, що німецький читач схвалив би їх навіть без епіграфів і ілюстрацій. Злободенність, актуальність вибарної гуманістом теми тільки зросла за 150 років. У рядках же епіграфів і ксилографіях вона набула у Німеччині часів Реформації нових відтінків «бенкету під час чуми»; при цьому чуми, ворожнечі, не-людяності виявляється більше, ніж азартних веселощів. У епіграфах Пінітіана акцент падає на християнсько-дидактичну складову діалогів. Світське ж начало тексту, його багата гуманістична риторика відходять на задній план. Майстер Петрарки загострив соціальне звучання теми: ксилографії демонструють реформаторське

засудження багатства, безцільних витрат, а також рішуче засуджують використання зброї як засобу вирішення конфліктів, громадянських і повсякденних. Засуджують вони і забуття людяності.

Ключові слова: Петрарка, Майстер Петрарки, Пінітіан, реформація, Ренесанс, образ і текст, гендер, азартні ігри.

Received: 20-04-2017

Advance Access Published: May, 2017